
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Д.Я. ЗАЯЦ*

**МЫ ИХ НЕ ПОНИМАЕМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ,
ОРИЕНТАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Рец. на кн.: Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. – М.: Аквилон, 2022. – 288 с.

Для цитирования: Заяц Д.Я. Мы их не понимаем: политические ценности, ориентации и представления современной российской молодежи (Рецензия) // Политическая наука. – 2025. – № 1. – С. 287–299. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.13>

Российскую политическую науку в последние годы интересует вопрос молодежи в фокусе политики. Что представляет собой современное российское молодое поколение, на каком языке (в том числе политическом) она говорит, какие установки ей привиты (и кем), какие у нее ценности и представления о том, как должно быть устроено государство и общество? Особенно важны ответы на эти вопросы органам государственной власти – на их основе разрабатываются основы государственной молодежной политики и политики в области патриотического воспитания. В конце концов, молодежные воззрения – в какой-то степени отражение будущего российского общества, и для понимания того, каким оно будет в ценностном выражении (и как на это будущее состояние

* Заяц Дэвид Янович, аспирант, Институт философии РАН (Москва, Россия), e-mail: metrostroy2033@gmail.com

можно повлиять), необходимы исследования состояния современной российской молодежи.

Попытку создать такой «политико-психологический портрет» в условиях быстрых, радикальных и глобальных изменений предприняла доктор политических наук А.В. Селезнева, представительница школы политической психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, возглавляемой Е.Б. Шестопал. Эта школа является сложившейся неформальной структурой, обладающей как внушительной базой теоретических наработок по различным вопросам политической психологии (от образа страны и власти до политических ценностей), так и ежегодно обновляемыми эмпирическими данными. Исследования А.В. Селезневой и ее коллег имеют признание и пользуются спросом в российской политологии.

Автор начинает работу с описания **политико-психологического подхода** изучения политического сознания молодежи. В центре внимания данного подхода – политические образы, представления, ценности, установки, составляющие политическое сознание. Он учитывает в том числе психологические особенности молодежи как политического поколения, факторы социализации, политико-культурные традиции и современные глобальные социокультурные процессы. В данной работе, как отмечает А.В. Селезнева, не ставится задача всеобъемлюще показать российскую молодежь начала 2020-х, но, скорее, «написать портрет», т.е. показать самые общие особенности политического сознания российской молодежи как поколения («путинского поколения», «поколения Z»), раскрывающие сущность ее политического поведения.

В качестве основополагающего понятия в монографии используется термин «политические ценности»: по мнению А.В. Селезневой и Е.Б. Шестопал, это ядро политического сознания, наиболее устойчивый компонент структуры личности (с. 28–29), связывающий другие ее элементы (установки, потребности, мотивы). Таким образом, ценности – это абстрактное явление, заложенное глубоко в сознании, часто даже фундаментальное и общечеловеческое, без какой-либо четкой идеологической привязки (хотя вокруг ценностей и строятся политические идеологии). Условно говоря, на простой вопрос социолога «чего бы вам хотелось от властей?», типичный россиянин ответит именно категориями ценностей, например «свободы, порядка, справедливости» (что будет подтверждено в практической части книги). Это простейшие ассоциации, возникающие в сознании первыми, а также базовые общечеловеческие ценности. Можно сказать, что политические и идео-

логические взгляды индивидов в целом зависят от соотношения важности тех или иных ценностей в сознании. Автор монографии отдельно акцентирует вопрос влияния ценностей на дальнейшее политическое поведение индивидов – не всегда принятие ценности означает что-либо еще, кроме, собственно, заявления об этом, и здесь существует множество нюансов (с. 31–32).

Далее А.В. Селезнева раскрывает содержание других ключевых терминов политико-психологического подхода: это политические представления (образы мира, власти, лидеров, страны, прошлого и будущего – это *«своего рода призма, через которую люди смотрят на политические процессы»*); политические чувства, эмоции и настроения; социальная, политическая и гражданская активность. Автор многосторонне раскрывает сущность политико-психологического подхода, обосновывает связи между множеством внутренних психических состояний и их отражением в социально-политическом поведении человека. Приводится обширный список литературы, однако среди источников указываются, в частности, работы, посвященные понятию «менталитет». Научность концепции менталитета является предметом спора среди ученых, однако на дальнейший ход исследования это практически не влияет.

Изучение политических взглядов российской молодежи с позиции политико-психологического подхода имеет неоспоримые преимущества в сравнении с другими способами. В условиях низкого доверия между людьми, характерного для российского общества (о чем свидетельствуют как данные Всемирного обзора ценностей¹, так и российские социологи [«Поколение Z»..., 2020, с. 29]), обычные социологические способы изучить политические взгляды молодого поколения становятся куда менее эффективными и точными. Респонденты (в особенности молодое поколение) во многом боятся отвечать на прямые вопросы о своих политических взглядах, в результате преобладают социально одобряемые ответы: политический курс государства верный, больше всего доверия среди политиков вызывает действующий президент и так далее. Есть и другая проблема: молодежь без соответствующего образования вряд ли правильно определит свои политические взгляды, имея лишь крайне примерное представление о том, что представляют собой, например, либерализм, социал-демократия, консерватизм или национализм. Политико-психологический подход

¹ Online Data Analysis // World Values Survey. – Mode of access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 28.12.2023).

позволяет преодолеть данные проблемы, так как он обращается непосредственно к тому, как и о чем думают индивиды, какие чувства и эмоции они испытывают в рассматриваемой проблематике. Конечно, могут вызывать вопросы «расшифровка» и интерпретация полученных данных, их перевод из «косвенного» повествования в «прямое». Безусловно, здесь нет идеального и объективного решения, однако частота проведения исследований позволяет совершенствовать обработку и анализ получаемых эмпирических данных.

А.В. Селезнева проводит комплексный анализ институтов политической социализации индивидов. Относительно предыдущих работ автора [Селезнева, 2014; 2017] наблюдаются изменения аналитического взгляда исследователя на данную тему в контексте наблюдаемых тенденций развития общества. Среди них, в частности, выделяется влияние глобального социокультурного пространства, в значительной степени вестернизированной массовой культуры (с. 86) и глобального ценностного сдвига (по Р. Инглхарту) на политическую социализацию российской молодежи (с. 87–88).

После описания методологии и методического инструментария исследования А.В. Селезнева представляет полученные в ходе сразу четырех научно-исследовательских проектов эмпирические данные, датированные 2020 г. (с. 106–112). То есть в монографии представлен политико-психологический портрет российской молодежи в первый год пандемии COVID-19 и так называемого пермакризиса¹, когда период относительной стабильности закончился, а одно кризисное состояние сменялось другим. Вместе с тем в этом исследовании подводится черта под тем, как 2010-е годы, тоже довольно беспокойные, повлияли на политические взгляды российской молодежи.

Отдельно стоит отметить *элементы российской политической культуры*, сведенные в данной работе воедино из различных трудов по данной теме и позволяющие охватить всю проблематику в целом. На наш взгляд, следует их перечислить: «властецентричность» и «государственность», «надындивидуальный» тип бытия, наличие социокультурных расколов, представление об «особом ментальном складе и мессианском предназначении» русского народа, идея и ценность справедливости, отчужденность большинства населения от власти, ориентация на единоначалие и персонификация власти, низкий уровень «активности», фрагментированный

¹ Permacrisis – термин, названный словом года-2022 словарем Collins, означает «продолжительный период нестабильности и отсутствия безопасности».

характер политической культуры, ориентация на ценности национализма (в формате великодержавности) и патриотизма, раскол образа власти на образы сильного политического лидера и виновную во всем бюрократию, постоянное возвращение в прошлое (с. 80–84). Возможно, этот список не упорядочен (также он может спровоцировать идеологические споры), однако этот перечень помогает оформить представление о российской политической культуре в условиях, когда традиционная классификация Г. Алмонда и С. Вербы [Almond, Verba, 1989, p. 11–26] слишком скудна для объяснения политического поведения россиян в конкретных ситуациях.

Полученные эмпирические данные показывают плавную эволюцию взглядов, представлений и ценностей молодежи, и сравнимы с данными прошлых лет вплоть до 2007 г. (ссылки на них представлены в монографии, также можно провести сравнение с данными исследований социологических центров, таких как ВЦИОМ и Левада-центр). Согласно представленным в монографии теоретическим концепциям, автор отмечает сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям у российской молодежи, что логично, учитывая влияние глобального социокультурного пространства и вестернизированной массовой культуры. Базовыми политическими ценностями для российской молодежи в 2020 г. остаются права человека, мир, безопасность, свобода, справедливость, законность и порядок. Они «практически не имеют идеологической окраски и отражают актуализированные базовые потребности личности» (с. 119), с чем стоит согласиться, а также вполне соответствуют описанным выше элементам российской политической культуры (в частности, ценность справедливости). Однако, как уже упоминалось, из-за глобального ценностного сдвига на первый план к началу 2020-х годов вышла ценность «прав человека» (с. 120). Автор представляет данные и по различным возрастным когортам молодежи (возрастов 15–17 лет, 18–23 лет, 24–26 лет, 27–30 лет по состоянию на 2020 г.), что позволяет проследить изменения между той частью молодежи, чье детство прошло в период президентства Б.Н. Ельцина, и той, которая полностью выросла уже в путинской системе – например, *по мере взросления наблюдается рост значимости ценностей законности, патриотизма и личной инициативы*. При этом чем младше респонденты, тем больше для них значимы ценности прав человека, равенства, свободы и справедливости (с. 122).

А.В. Селезнева проводит анализ содержательного наполнения самых значимых категорий (права человека, безопасность,

справедливость и свобода) и национализма как наименее значимой. Это также важно, так как позволяет понять, что именно респонденты имеют в виду, для чего использовались данные глубинных интервью. Так, например, это позволяет понять, что под «безопасностью» молодежь понимает не государственную безопасность (деятельность силовиков, блокировки сайтов, борьба с терроризмом и экстремизмом), а личную – чувство спокойствия, защищенности, стабильности, уверенности в завтрашнем дне, то есть просто возможность «комфортно идти по улице» (с. 128). Однако не стоит обвинять россиян и молодежь в консерватизме, исходя из потребности в «безопасности». Точно так же значимость ценности «справедливость» не означает приверженность идеологии социал-демократии, а «свободы» – либерализму. В целом А.В. Селезнева отмечает, что ценностная картина российской молодежи «мозаична», фрагментирована и запутанна, респонденты в любом случае испытывают потребность в «безопасности», но при этом ожидают удовлетворения своих потребностей от кого-то другого, чаще всего – государства (с. 131). Опять же, вспоминаем элементы российской политической культуры, все логично, обоснованно и традиционно.

Все же автор оставляет в эмпирических исследованиях прямой вопрос респондентам об их идеологических ориентациях. Как кажется, это можно рассматривать как проблему, так как автор отходит от заявленного политико-психологического подхода, используя типичные социологические опросы. Причины нерелевантности такого подхода к проблеме уже были описаны выше.

На примере конкретных вопросов показываются и несформированность, нечеткость, неопределенность, неоднозначность политико-идеологических установок молодежи, в которых сочетаются традиционный для российской политической культуры патернализм и типичный для молодежи максимализм и «бунтарский дух». То есть большинство респондентов считают, что за жизнь граждан и обеспечение их благ несет ответственность государство, но при этом установление «правил игры» в обществе должно быть результатом согласования общественных интересов, таким образом, в вопросе соотношения свобод и порядка наблюдается раскол мнений (с. 134–136). Это также совпадает с данными других исследователей (на них также ссылается А.В. Селезнева) и крупнейших социологических центров как конца 2010-х, так и после 2020 г.

Отдельный интерес представляет используемая автором (и всей школой политической психологии МГУ) **рисуночная**

методика, традиционно применяемая в психологии. Использование этой методики позволяет обойти ограничения выбранного исследовательского подхода, так как политические ценности эмпирически не наблюдаемы и сложно поддаются прямой вербализации. Через рисунок исследователи пытаются увидеть латентные, скрытые воззрения, передаваемые в виде чувств и ощущений. В данном исследовании рисуночная методика используется при описании образов прошлого России и современного состояния страны в сознании молодежи.

Как и в случае с индивидуальным мировоззрением, автор заключает, что представления молодежи о стране (о ее прошлом, настоящем и будущем) фрагментированы, поверхностны и бедны. Причин у данного явления множество (с. 178–179): диссонанс в политической социализации, когда различные институты транслируют противоречащую информацию; отсутствие какого-либо образа будущего в речах представителей политической элиты («производителей смыслов в сфере политики»); специфика российской политической культуры (наличие социокультурных расколов, фрагментированный характер, постоянное возвращение в прошлое, низкий уровень «активности» и др.).

Автор отмечает и «неясное» состояние государственной молодежной политики, словно она существует отдельно от своего объекта – молодежи. Респонденты отмечают, что «они не проинформированы о тех программах и проектах, которые реализуются в рамках молодежной политики» (с. 243), во всяком случае о тех, которые действительно реализуются, а не декларируются. Низкий уровень доверия молодежи к органам государственной власти и сам характер проводимой молодежной политики также играют свою роль, для чего есть множество причин – хотя бы та же разница поколений. Государственная молодежная политика не эффективна прежде всего потому, что ее разработчики и исполнители не осознают специфику ее объекта, не понимают потребности и интересы молодежи, не знают, на каком языке нужно разговаривать с молодым поколением и чем его можно увлечь. Здесь автор рецензии солидарен с экспертами, которых автор монографии привлекла в рамках экспертного опроса о проблемах государственной молодежной политики – наличие проблемы с информированием молодежи о данной политике, с доверием молодежи органам власти и любым идущим от них инициативам, с нехваткой квалифицированных специалистов по работе с молодежью, наконец, проблемы с явным «перекосом принципов молодежной политики в сторону... патриотического воспитания»,

даже, скорее, военно-патриотического (с. 250). В принципе, в этом нет ничего удивительного для России конца 2010-х годов, однако это нисколько не решает проблемы взаимодействия государства и молодежи. Скорее, здесь можно говорить об отсутствии доверия самого государства к молодежи, больше всего подверженной влиянию вестернизированной западной культуры и проявляющей «явное неуважение» к власти.

По итогам исследования А.В. Селезнева делает следующие выводы.

- Ценностное наполнение политического сознания российской молодежи в возрасте 15–30 лет по состоянию на конец 2010-х – начало 2020-х годов сложное и внутренне противоречивое. Наиболее значимые ценности для молодежи сугубо универсальные, присущие практически любому человеку (права человека, мир, безопасность, свобода, справедливость, законность и порядок), при этом есть и «национальный» окрас (ценность справедливости). Наблюдаются проявления «глобального ценностного сдвига» по Р. Инглхарту в сторону постматериалистических ценностей. Намечается своего рода «раскол» в мнении молодежи относительно ценности «патриотизма» – большинство называют себя патриотами, но содержание термина вызывает все больше споров.

- Отношение молодых респондентов к России как стране отчужденное, отсутствует интерес молодежи к ее судьбе. Родившиеся в XXI в. невосприимчивы к значимым символам и предметам национальной гордости большинства населения страны. Эмоциональное отношение молодежи к стране и государственной политике амбивалентно (в частности, нейтрально-позитивное отношение к внешней политике и негативное – к внутренней). Знания молодежи о политике скудны, а представления об обществе заключаются в разделении на богатую, коррумпированную, корыстную элиту и бедный «простой народ».

- Отмечаются традиционные для российской политической культуры патернализм и государственничество, в том смысле, что молодежь надеется на государство как гарант безопасности и предоставления общественных благ; при этом нет доверия как самому государству, так и конкретным органам власти. Присутствуют противоречащие друг другу установки – желание молодежи действовать на основе личной инициативы и возложение ответственности за безопасность людей на государство.

- Отсутствие значимых для молодежи образцов гражданственности, гражданских и моральных ориентиров, что порождает и проблемы с идентичностью.

- Растет уровень участия молодежи в социальных инициативах, волонтерских практиках, интерес к политике и политической активности, но лишь виртуальной.

- Наконец, изменилось соотношение институтов и факторов политической социализации во влиянии на молодежь. Теперь главную роль играют медиа (прежде всего Интернет), а семья и школа малоэффективны. При этом А.В. Селезнева подчеркивает прямую связь между фрагментированным медиапространством и фрагментированным сознанием.

В итоге следует отметить, что рассматриваемая работа очень достойная не только по заявленной теме – политического сознания российской молодежи, но и по смежным проблематикам, являясь полезной для исследователей молодежной политики, политической культуры России и политической психологии. В монографии использован подход, имеющий реальные преимущества в сравнении с традиционными методами сбора и обработки эмпирических данных в политической социологии, особенно в условиях общества низкого доверия.

Данная работа, как уже было описано, охватывает широкий круг вопросов и рассматривает проблему в комплексе других политических, психологических, социокультурных, поколенческих и иных проблем. Это выгодно отличает ее от других исследований, посвященных, скорее, рассмотрению ценностей российской молодежи в целом, без уклона в сторону политических ценностей или ориентаций, например, от коллективной монографии 2017 г. под редакцией С.В. Чуева [Ценностные ориентации..., 2017].

Другое масштабное исследование было проведено социологами Левада-центра по инициативе и при поддержке Фонда Фридриха Эберта в 2019–2020 гг. В нем также исследуется обширный круг вопросов, но на «политический» блок отведены 35 страниц, посвященные интересу и осведомленности молодежи в области политики, политическим взглядам, готовности участвовать в политической деятельности, источникам информации о политических событиях и процессах для молодежи, доверию и отношению к государственным и политическим институтам, демократическим установкам, отношению к Европе и распаду СССР, идентичности российской молодежи [«Поколение Z»..., 2020, с. 31–66]. В целом тематика «политической» части исследования представляется даже

более широкой, чем в монографии А.В. Селезневой, однако это исследование основано исключительно на социологических методиках (в частности, присутствует уже упоминавшийся прямой вопрос о политических взглядах респондентов), и к тому же данные представлены только за 2019 г., без упоминаний результатов опросов прошлых лет. В обоих исследованиях присутствует разбивка по возрастным категориям молодежи, но главное отличие состоит, скорее, в «аналитической рамке»: А.В. Селезнева больше внимания уделяет агентам социализации и влиянию политической культуры, тогда как социологи Левада-центра делают акцент на различные институциональные факторы политического сознания российской молодежи.

Другие работы по проблематике политических взглядов молодежи публиковались только в формате научных статей, что не позволяло ни полноценно раскрыть тему, ни проследить предмет исследования в динамике. Таковы, в частности, статьи о политических ориентациях российской молодежи за авторством В.Н. Стегния [Стегний, 2016], И. Н. Трофимовой [Трофимова, 2017], статья Е.П. Галкиной и М.И. Кадничанской о структуре молодежных политических ценностей [Галкина, Кадничанская, 2022]. Подобная характеристика несколько не умаляет научную ценность подобных работ, к тому же полученные эмпирические результаты не противоречат друг другу (например, в статье Е.П. Галкиной и М.И. Кадничанской наиболее значимыми политическими ценностями для молодежи тоже являются свобода, безопасность, мир, справедливость и права человека, а наименее значимой – национализм), однако формат полноценной монографии позволяет как уделить достаточно внимания теоретической основе исследования, так и представить уникальный методологический подход, освещающий проблематику с новой стороны.

Проблемные моменты в монографии А.В. Селезневой присутствуют, однако их можно назвать, скорее, вызовом для автора с целью совершенствования методики в дальнейших исследованиях. В частности, нет разбивки респондентов по регионам, а между представителями молодежи из Москвы, Орловской области, Татарстана или Забайкальского края наверняка есть различия в политическом сознании (что частично прослеживается в упомянутых выше статьях). В данной работе такой цели, впрочем, не ставилось, и этот недочет практически не влияет на ее значимость.

Еще одна характеристика работы, которую не получается отнести ни к достоинствам, ни к недостаткам (здесь у каждого бу-

дет свое мнение), – почти полное отсутствие дальнейшей интерпретации полученной и обработанной эмпирической информации. Автор предоставляет самим читателям сделать собственные выводы. Можно ли говорить о политически ценностном и ориентационном расколе российской молодежи? Видение молодежи своих отношений с государством – это инфантилизм или ошибка самого государства? Отсутствие политических знаний у молодого поколения – следствие отсутствия интереса или их просто не обучают быть ответственными гражданами, чьи действия выходят за рамки «сходить на выборы, поставить галочку»? Будет ли молодежь вследствие этого подвержена (право-)популистской риторике? А.В. Селезнева отмечает некоторые моменты в этих дихотомиях, но окончательных выводов не делает и оставляет эти вопросы как пищу для размышлений и обсуждений.

Заключить наш обзор хочется примерно тем же, чем заканчивает монографию автор: эта книга написана потому, что присутствует значительное непонимание того, как и о чем думает молодежь, когда речь заходит о политике, а самое главное – непонимание того, на какой основе формируются мысли молодежи о политике, какие агенты и институты социализации этому способствуют и в какой мере. Несмотря на то что представления молодежи описываются как во многом фрагментированные, поверхностные и бедные, это значит, что в политическом сознании молодежи присутствует сложный и крайне противоречивый комплекс ценностей, представлений, образов и ориентаций. Государству в рамках разработки и реализации государственной молодежной политики в любом случае придется работать с этим запутанным комплексом противоречий. Чтобы политика в отношении молодежи была эффективной, необходимо знать, из чего возникает мировоззрение молодого поколения и **понимать его**.

Однако эта книга создана не только для представителей органов государственной власти, но и для широкого круга исследователей – политологов, психологов, социологов, специалистов и просто интересующихся состоянием современного российского общества. Для всех них данная книга будет однозначно **полезна** к прочтению.

D.Ya. Zayats*

**We don't understand them: political values,
orientations and perceptions
of contemporary Russian youth (Review)**

For citation: Zayats D.Ya. We don't understand them: political values, orientations and perceptions of contemporary Russian youth (Review). *Political science (RU)*. 2025, N 1, P. 287–299. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.13>

References

- Almond G.A., Verba S. *The civic culture: political attitudes and democracy in five nations*. Newbury Park: Sage, 1989, 379 p.
- Begicheva O.L., Grishaeva S.A., Polyakov M.B., Timokhov A.N., Chuev S.V. *Valuable orientations of the Russian youth and realization of the state youth policy: results of a research*. Moscow: Izdatel'skij dom GUU, 2017, 131 p. (In Russ.)
- Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I. The structure of socio-political values of the youth in modern Russian society: regional aspect. *Bulletin of Tyumen State University. Social, economic, and law research*. 2022, Vol. 8, N 1 (29), P. 102–119. DOI: <http://www.doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119>
- Gudkov L., Kochergina E., Pipiia K., Ryseva A., Zorkaya N. «Generation Z». Young people of the Putin era. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2020, N 1–2 (130), P. 21–121. (In Russ.)
- Selezneva A.V. *The Russian youth: a political and psychological portrait on the background of the epoch*. Moscow: Aquilon, 2022, 288 p. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Transformation of political values in modern Russia: Political and psychological analysis. Doctor's degree dissertation. Moscow, 2017, 428 p. (In Russ.)
- Selezneva A.V. *Youth in modern Russia: Political values and preferences*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA Publ., 2014, 276 p. (In Russ.)
- Stegny V.N. Political orientations of students: types, factors, features. *Bulletin of the Perm National research polytechnic university. Socio-economic sciences*. 2016, N 2, P. 8–17. (In Russ.)
- Trofimova I.N. Political orientations of today's youth in Russia. In: Gorshkov M.K. (ed.). *Rossia reformiruiushchiasia: ezhegodnik*. Moscow: Novyi Khronograf, 2017, P. 304–324. (In Russ.)

Литература на русском языке

Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Структура общественно-политических ценностей молодежи в современном российском обществе: региональный аспект //

* **Zayats David**, Institute of Philosophy RAS (Moscow, Russia), e-mail: metrostroy2033@gmail.com

- Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8, № 1 (29). – С. 102–119. – DOI: <http://www.doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-102-119>
- «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2020. – № 1–2 (130). – С. 21–121.
- Селезнева А.В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. – 276 с.
- Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. – М.: Аквилон, 2022. – 288 с.
- Селезнева А.В. Трансформация политических ценностей в современной России: политико-психологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2017. – 428 с.
- Стегний В.Н. Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 8–17.
- Трофимова И.Н. Политические ориентации современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. – С. 304–324.
- Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: Монография / О.Л. Бегичева [и др.]; под общ. ред. С.В. Чуева. – М.: Издательский дом ГУУ, 2017. – 131 с.